

Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 16–20.
Humanitarian Researches. 2022;2(82):16–20.
Научная статья
УДК 821/9

Проблема идентичности семантики слова в медиевальном дискурсе

Дмитрий Михайлович Бычков¹, Ирина Николаевна Крутова²

¹Астраханский государственный технический университет, Астрахань, Россия

²Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

¹dmitriybychkov@list.ru

²dartsk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме адекватности понимания и интерпретации художественного дискурса о Средневековом Северном Кавказе. Обосновывается понятие «идентитет», которым называется тот элемент в словесном повествовании о прошлом, который в первом предъявлении не наполняется аутентичным смыслом. Дается типология «идентитета» по аналогии с археологическими находками.

Ключевые слова: художественный текст, медиевальный дискурс, диалог культур, рецепция, идентификация

Для цитирования: Бычков Д.М., Крутова И.Н. Проблема идентичности семантики слова в медиевальном дискурсе // Гуманитарные исследования. 2022. № 2 (82). С. 16–20.

Original article

The problem of word semantics identity in medial discourse

Dmitry M. Bychkov¹, Irina N. Krutova²

¹Astrakhan State Technical University, Astrakhan, Russia

²Moscow City University, Moscow, Russia

¹dmitriybychkov@list.ru

²dartsk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of the adequacy of understanding and interpretation of the artistic discourse about the Medieval North Caucasus. The concept of «identity» is substantiated, which refers to that element in the verbal narration of the past, which in the first presentation is not filled with an authentic meaning. The typology of «identity» is given by analogy with archaeological finds.

Keywords: literary text, media discourse, dialogue of cultures, reception, identification

For citation: Bychkov D.M., Krutova I.N. The problem of word semantics identity in medial discourse. *Gumanitarnyye issledovaniya = Humanitarian Researches*. 2022;2(82):16–20. (In Russ.).

«Многоразличные древности, рассыпанные в пространствах отечества нашего, обильные летописи, дражайшие памятники деяний праотцев наших, каковыми немногие из существующих ныне европейских народов поистине хвалиться могут, представляют упражнениям нашим обширное поле», – акцентировала внимание первых русских ученых в своей речи на открытии Российской Академии ее первый президент Е.Р. Дашкова [1, с. 265–266]. Просветительский месседж выдающегося культуртрегера XVIII века Е.Р. Дашковой, фокусирующий внимание на изучении прошлого, не утрачивает актуальности и сегодня. Кроме того, в процитированном суждении отображается вполне современное для российской гуманитаристики представление о культуре как семиотическом пространстве («древности, рассыпанные в пространствах отечества, <...> представляют упражнениям нашим обширное поле»).

«Пространство культуры» есть научная метафора, раскрывающая антропологическую сущность феномена культуры, соответствующую биосоциальному статусу человека, поскольку культура – это объективная реальность, форма существования материального мира, характеризующаяся исторической протяженностью, семиотическим объемом и дискурсивностью.

© Бычков Д.М., Крутова И.Н., 2022

В этом плане понимания культура получает пространственные характеристики. Культура, таким образом, – это «хронотоп» (М.М. Бахтин), в координатах которого существует человек. Так, археология, методологически нацеленная на изучение исторического прошлого по его вещественным источникам, расширяет наше представление о конкретном пространстве, не ограниченном в свою очередь только объективным уровнем действительности, имеющей в представлении исследователей-гуманитариев ламинарную («слоистую») структуру. «Могильный холм учеными разрыт: / Сосуд. Потерли. И сверкнуло слово. / И стало жить», – писал поэт Е.М. Винокуров в стихотворении, начинающемся со слов «Священное умение говорить...».

Действительно, нельзя не согласиться с тем, что, сопоставляя «немые» археологические находки, историки-археологи заставляют «заговорить» материальные артефакты. В этой связи археология и филология – науки, стремящиеся к диалогу друг с другом, хотя «хронологическо-методологический диссонанс наук», к сожалению, еще до сих пор не преодолен между ними, как и, отметим, собственно между историей и археологией [3, с. 26–27]. Выполняя различные физические действия, археолог и филолог с точки зрения когнитивистики операционально реализуют один и тот же вид интеллектуальной деятельности – поиск смысла и его понимание, а также объяснение содержания (интерпретация и реинтерпретация), иногда гипотетическая или ложная. Археолог имеет дело непосредственно с материальным носителем информации о прошлом, филолог анализирует репрезентацию прошлого, в частности, на предмет ее «идентичности», поскольку он, как и читатель, погружен в художественную картину мира писателя, создающего книгу в жанре исторической прозы, посвященной, например, эпохе Средневековья. В этой связи филологический анализ художественного текста о дистанцированном от настоящего времени прошлом, на наш взгляд, есть своеобразная археология «идентитета».

Медиевальный («средневековый») тип литературно-художественного дискурса, постепенно складывающийся в пространстве современной русской прозы, изобилует упоминанием различного рода идентификаторов исторически отдаленной эпохи. В довольно сложно устроенном процессе рецепции произведения, воспроизводящего картину мира прошлого, субъект чтения сталкивается с массой непроявленных, неактуальных для настоящего времени архаичных социокультурных примет, поскольку по объективным причинам интеллект гипотетического для автора референта, объем его культурной памяти, его социальный опыт не соответствует перцептивному полю, репрезентованному в исторически и ментально дистанцированном тексте.

В художественном произведении инокультурной модальности содержится значительное для адекватного понимания его содержания число доктринальных интенций (по выражению ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН К.А. Богданова), как то: имена собственные реальных исторических лиц и вообще семантика ономастикона, номинации предметов быта и культа, иные социокультурные приметы прошлого. В таком случае дискурсивная граница между текстом и современным читателем раскрывается только при условии верной, единственно возможной интерпретации этих доктрин, которые мы и называем (вслед за К.А. Богдановым) «идентитетами», образующими настолько необходимый для рецепции шлюз.

Смысл термина «идентитет» можно объяснить следующим образом: это своеобразный «декодер» художественной информации, иными словами «дешифратор» адекватного значения слова или образа, необходимость в котором проявляется в процессе художественной (в определенном роде межкультурной по своему характеру) коммуникации, когда текст исторически и ментально дистанцирован от современного реципиента, а читатель находится на границе его семиосферы. Используя археологическую метафорику, можно сказать, что «идентитет» есть текстуально явленное ископаемое утраченного смысла, который нужно адекватно, исторически достоверно атрибутировать.

Особую дискурсивную сферу функционирования «идентитета» представляет собой медиевальная проза о средневековом мире Северного Кавказа. Одним из первых в этом ряду следует считать роман А.П. Соловьева «Сын Мариона», посвященный драматичной судьбе Дербента в начале VII века н.э., когда здесь сошлись интересы мировых держав: Персии, Византии и Хазарского каганата, а стены древнего города на западном побережье Каспийского моря увидели полчища орд, стремящихся к Дербентским воротам, запирающим путь из Восточной Европы в Азию.

«Идентитеты», обратим на это особое внимание, выполняют в аналогичных произведениях функцию самоидентификации автора в пространстве культуры, а не только служат созданию аутентичного этнографического фона и средством характеристики личности

и внешнего облика персонажей (как например: *фибула* – металлическая застежка, напоминающая брошь; *скармангий* – дорожная одежда византийских аристократов, по типу разукрашенного кафтана; *скань* – ювелирные изделия из золотой или серебряной проволоки; *шуаз* – музыкальный инструмент, распространенный среди хазар, напоминающий современную домбру). Восприятие читателем подобных этнографических «идентитетов» осложняется тем фактором, что они по сути безэквивалентны, т.е. обозначают этнографическую реалию, связанную с особенностями быта «чужого» народа (в культурологическом понимании этого термина), поэтому дефиниции «идентитетов» данного типа строятся посредством грамматических оборотов «напоминающий/ая/ое/ие...», «похожий/ая/ее/ие на...», «схожий/ая/ее/ие с...», «по типу...» и т.п. В этом плане толкование подобных «идентитетов» схоже, на наш субъективный взгляд, с атрибуцией в археологии, когда найденный предмет – настоящая загадка по внешним признакам и функционалу.

Типологически «идентитеты» в романе «Сын Мариона» соответствуют определенным лексико-семантическим видам инокультурных онимов – имен собственных, которые укладываются в некоторую иерархию по принципу от общего плана географического видения к конкретизирующему восприятию: *топонимы* – названия физико-географического объекта (*Берсилия* – равнинная часть Дагестана; *Иберия* – в Средние века название Грузии; *Великая Булгария* – государственное объединение болгар в Приазовье в VII в. н.э.; *Русия* – область проживания восточных славян; *Ас-Сакалиб* – арабское название местности, населенной западными и южными славянами; *Срединная империя* или *Син* – Китай; *Фема* – область в Византии, место дислокации войскового соединения около 10 000 чел.); *астионимы* – названия городов (*Семендер* – столица Хазарского каганата; в VII веке располагалась в районе современной Махачкалы); *потамонимы* – названия рек (*Итиль* – Волга), *урбанонимы* – имя топографического объекта внутри города (*Магал* – квартал в Дербенте), *этнонимы* – названия этноса (*Хунны* – объединение племен тюркского происхождения, вторгшиеся в IV в. н.э. в Европу; *Кимерийцы* – кочевые племена, родственные скифам; *Буртасы* – тюркское племя, не входившее в Хазарский каганат); *антропонимы* – имена людей (*Галван* – презрительная кличка инородцев; *Агаряне* – потомки рабыни Агари, принадлежащей Аврааму); *теонимы* – имена божеств в любом пантеоне, репрезентирующих в средневековом дискурсе романа удвоение пространства, «двоемирие» (*Ахурамазда* – бог света у персов, верховное божество; *Уркацилла* – бог солнца у персов; *Яхве* – одно из имен бога у древних иудеев; *Дэв* – злой дух; *Ангра-Манью* – бог тьмы в зороастризме); *фитонимы* – имена растений (*седая трава* – ковыль) также служат цели репрезентации «средневековой» художественной картины мира.

«Идентитет», как уже видно из приведенных выше примеров, отличается на фонетическом, лексическом и графическом уровне их читательского восприятия: нестандартный для родного языка набор букв не складывается у референта в слово, зрительный образ, не наполняется идентифицирующим содержанием. Функциональный потенциал «идентитета» скрытого типа» раскрывается подробным образом в следующем фрагменте романа: «Монах близко придвинулся к богатырю-легу, заглянул черным провалом капюшона ему в лицо, хорошо освещенное отсветами пламени, продолжал: – Если бы ты был воином Византии, то давным-давно заслужил бы чин, гм, по меньшей мере начальника банды, а может быть, даже звания папия, что позволило бы и тебе при жизни, и детям твоим, внукам жить роскошно, наслаждаться мыслимыми благами [2, с. 133–134]. На слово «банда» наш читатель, пожалуй, не обратит необходимого внимания, наоборот, в соответствующем нашему времени социокультурном контексте оно в данном тексте вполне укладывается в парадигматические и синтагматические связи с другими словами. Слова же «*богатырь-лег*» и «*папий*», напротив же, идентифицируются, как инокультурные и требующие культурно-исторического комментария (*папий* – административная должность в государственном аппарате Византии, начальник стражи во дворце императора). Однако в средневековом дискурсе романа слово «банда» является примером «идентитета скрытого типа». Дело в том, что «банда» – это подразделение византийской армии численностью в 200–400 чел., а совсем не разговорное название шайки разбойников и, конечно, не жаргонное наименование (от англ. band) музыкального джазового ансамбля. А если бы роман «Сын Мариона» читал юрист, то какова была бы его интерпретация слова «банда»? Безусловно, он бы посчитал, что монах призывает нашего героя к созданию «устойчивой вооруженной группы (банды) в целях нападения на граждан или организации, а равно руководство такой группой (бандой)», что в соответствии со статьей 209 «Бандитизм» УК РФ «наказываются лишением свободы на срок

от десяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет». Таким образом, «идентитет скрытого типа» порождает, как видно на примере одного слова, ложные интерпретации.

Инокультурным характером отличаются также «идентитеты» – нарицательные существительные: *стадий* (мера длины, равная примерно 190 м.); *локоть* (мера длины в 0,5 м.); *фарсах* (мера длины, около 6 км.). Заметим, что частотность упоминаний иноязычных мер длины и географических онимов в дискурсе художественного повествования исторического характера отвечает пространственному восприятию культуры («чужой» в данном случае), о котором мы писали в самом начале настоящей статьи.

Обращают на себя в первом предъявлении непонятные персонифицированные имена нарицательные, функционирующие по аналогии с парафразой: *тудун* – правитель города в Хазарии; *филяншах* и *хармакар* – различные должности в административном аппарате Персии; *раис* – богатый, но при этом алчный человек из простонародья; *муздвар* – поденщик, свободный человек, нанимающийся на работу за плату; *атраван* – служитель культа Ахурмазды; *простоспафарий* – высокий чин государственного служащего в Византийской империи; *этерия* – личная конная гвардия императора Византии; *талмид-хамам* – глава еврейской общины; *уста* – мастер; *темник* – начальствующий над 10 000 воинов; *чуашиар* – управитель дворца, распорядитель церемониала; *рус* – славянин. Общая функция «идентитета» различных типов, таким образом, – реализовать точку зрения повествователя, в самоидентифицируемом образе «Другого» в «пространственно-временном», «идеологическом», «психологическом», «фразеологическом» планах ее выражения [4, с. 3–5]. Так, «идентитет» – это такой элемент словесной ткани текста, который приковывает к себе внимание в силу своей загадочности и «новизны», требующий толкования значения того или иного объекта упоминания, что может служить отправной точкой для дальнейшего изучения «чужой», но не чуждой культуры.

Прочитываем последние строчки романа, философскую сентенцию автора, завершающую повествование: «...*Надежда – воистину божественный дар Незнания, ибо именно она вновь и вновь возвращает отчаявшихся и разочарованных в пучину Жизни.*

И пока существует мир над входом в Будущее, следовало бы гореть словам:

О, будь благословенна Надежда, с безумной легкостью отрицающая Опыт» [2, с. 313–314].

Итак, рецепция исторического дискурса о Средневековье требует от современного читателя интеллектуальных затрат. Подобно археологу, он раскрывает семантические пласты «идентитета» – объекта авторского и читательского внимания, требующего инокультурных компетенций.

Список источников

1. Дашкова Е.Р. Речь, говоренная при открытии Императорской Российской Академии октября 21 дня 1783 года // Литературные сочинения. Москва, 1990. 368 с.
2. Соловьев А.П. Сын Мариона: роман. Москва, 1989. 316 с.
3. Черных Е.Н. Мишина Т.Н. Археология и история: хронологическо-методологический диссонанс наук // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). Москва, 2016. 384 с.
4. Успенский Б.А. Поэтика композиции. Санкт-Петербург, 2000. 348 с.

References

1. Dashkova E.R. Rech', govorennaia pri otkrytii Imperatorskoj Rossijskoj Akademii oktyabrya 21 dnya 1783 goda. Literaturnye sochineniya. Moscow. 1990:368.
2. Solov'ev A.P. Syn Mariona: roman. Moscow. 1989:316.
3. Chernyh E.N. Mishina T.N. Arheologiya i istoriya: hronologo-metodologicheskij dissonans nauk. Mezhdisciplinarnaya integraciya v arheologii (po materialam lekcij dlya aspirantov i molodyh sotrudnikov). Moscow. 2016:384.
4. Uspenskij B.A. Poetika kompozicii. Saint Petersburg. 2000:348.

Информация об авторах

Д.М. Бычков – кандидат филологических наук.

И.Н. Крутова – кандидат филологических наук.

Information about the authors

D.M. Bychkov – Candidate of Philological Sciences.

I.N. Krutova – Candidate of Philological Sciences.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 28.04.2022.

The article was submitted 20.03.2022; approved after reviewing 21.04.2022; accepted for publication 28.04.2022.